

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Д.Л. Родзинский

Мифологические основания рациональности

Родзинский Дмитрий Леонидович – доктор философских наук, доцент кафедры философии гуманитарных факультетов философского факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1; e-mail: rodzinskiy66@mail.ru

В работе делается аналитическая попытка определить характер связей между мифом и наукой, иррациональностью и рациональностью. В связи с этим мы видим цель нашей работы в определении мифа и реконструкции мифологического сознания, выступающего не только первым, но и более эффективным способом освоения мира в сравнении с рациональным методом. Заявленная цель последовательно решает четыре задачи, первая из которых должна определить природу мифологического образа. Решение второй задачи выявит механизм перехода мифологического сознания в универсальный метод мышления – обобщение. Ответы на вопросы третьей задачи позволят описать «условия перехода» мыслительного обобщения в подобную форму рационального мышления. Решение четвертой задачи даст возможность обосновать положение о том, что мифологический образ является альфой и омегой или началом и концом рационального мышления. Для этого в тексте дается объяснение, как миф обнаруживал себя в четырех универсальных принципах бытия и мышления: «все во всем», «подобное порождает подобное», «что наверху, то и внизу» и «тайное управляет явным». Из них выводятся четыре бессознательных аспекта проявления мифологического мышления: синкретизм, подобие, аналогия и эвристичность, которые в дальнейшем превратятся в универсальную формулу рациональности. Для обоснования подобного перехода выявляется последовательная связь бессознательного мифологического образа с мысленным обобщением, превращающимся затем в рациональность. Это проявляется в том, что воображаемый образ мифологического сознания обнаруживает свое значительное влияние на мыслительный процесс обобщения частных событий, в которых образное восприятие мира видит грядущее. Подобное возможно потому, что четырем свойствам мыслительного обобщения соответствуют подобные характеристики рационального мышления. В результате делается вывод о том, что процесс обобщения является бытовой формой рациональности, а рациональность становится оптимизированным или

усиленным видом бытового обобщения. Исследование становится попыткой аналитически обосновать «сверхрациональное» содержание мифологического образа, выступающего неисчерпаемым архивом, источником рационального мышления, предлагаая один из возможных вариантов трансформации мифа в рациональный «логос».

Ключевые слова: рациональность, сознание, миф, обобщение, космос, знание, гармония, синкретизм, закон, эффективность

Актуальность проблемы связана с выявлением отношений между мифом и рациональностью в эпохе постмодернизма, в которой, на первый взгляд, абсурдные утверждения при детальном их рассмотрении начинают носить обоснованный характер парадокса. К подобным парадоксам следует отнести «родственные отношения» между эмоционально насыщенным мифом и логически сухой рациональностью. Эти отношения выступают связующим звеном, как внутри культуры в целом, так и между отдельными ее частями, например философией и наукой. Научный прогресс на постнеклассическом этапе его развития связан с конвергенцией различных сфер культуры, «расколдовыванием мира», попыткой обнаружить самоподобие антагонистических сторон. Одной из таких задач становится стремление определить характер связей между мифом и наукой, иррациональностью и рациональностью. На современном этапе можно выделить три наиболее яркие тенденции, отражающие отношения мифа и рациональности.

Первая стоит на позиции, что миф и рациональность – это две принципиально различные формы освоения мира, несводимые друг к другу, они – антиподы. Подобный взгляд присущ, например, А.Л. Топорковой, которая настаивает на том, что миф – это вольное повествование, которое принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно [Топоркова, 2000, с. 39–44].

Вторая тенденция связана с попыткой определить миф как архаичную рациональность, выполняющую примитивную познавательную функцию. К подобной интерпретации склонялся, например, А.Ф. Лосев, утверждавший, что в основании любой научной рациональности лежит «...мифология, которая ничем не доказана, ничем не доказуема и которая ничем и не должна быть доказываема» [Лосев, 2001, с. 44]. Или: «...наука решительно всегда не только сопровождается мифологией, но и реально питается ею, черпая из нее свои исходные интуиции» [Там же]. Вероятно, именно поэтому О.А. Карлова в своей работе «Миф разумный» настаивает на употреблении термина «мифологический тип рациональности» [Карлова, 2001, с. 208]. К подобной версии прочтения мифа в современных условиях склоняются О.Н. Стрельник [Стрельник, 2018, с. 81–85] и А.С. Майданов [Майданов, 2018].

Третья тенденция видит в мифе собирательную форму всех возможных вариантов рациональности, остающихся частным проявлением более общего мифического сознания. Этот подход отстаивает, например, П. Фейерабенд, высоко оценивающий миф как высокоэффективный метод освоения мира. Он подчеркивал, что в мифе сокрыты более богатые связи, чем в науке. А потому «миф гораздо ближе к науке, чем это представляется с философской точки зрения», но и «наука гораздо ближе к мифу, чем это готова допустить философия науки» [Фейерабенд, 1986, с. 138]. Схожую позицию занимает А.В. Семушкин,

который убежден в том, что миф выступает метатеорией по отношению к науке [Семущкин, 1990].

На фоне размытости границ научного и ненаучного знания в современной науке мы формулируем проблему – что такое миф? Это один из тех вопросов, на который до сих пор не было дано удовлетворительного ответа [Топоркова, 2000, с. 39]. В связи с чем мы видим цель нашей работы в определении мифа и реконструкции мифологического сознания, выступающего не только первым, но и более эффективным способом освоения мира в сравнении с рациональным методом.

Заявленная цель ставит перед нами четыре задачи. *Первая* из них обязывает нас определить природу мифологического образа. *Вторая* задача требует от нас выявить механизм перехода мифологического сознания в универсальный метод мышления – обобщение. *Третья* задача видится нам в том, чтобы продемонстрировать «условия перехода» мыслительного обобщения в подобную форму рационального мышления. *Четвертая* задача связана с попыткой обосновать положение о том, что мифологический образ является альфой и омегой или началом и концом рационального мышления.

История определения мифа. В истории отечественной и зарубежной философии мифа сложилось устойчиво сложное, размытое определение, сводящееся к сумме рациональных и эмоциональных его свойств. С одной стороны, миф – это «первая форма рационального постижения мира», не как «иное» разума, а как «иная форма рационального» [Плотников, 1993, с. 189]. Миф – это «форма системности (то есть рациональности) обыденного сознания» [Автономова, 1988, с. 177]. Миф рационален своей собственной гармонией, которая, упорядочивая явления в их взаимосвязи, строит свои фундаментальные структуры [Хьюбнер, 1994, с. 306–320]. С другой стороны, миф – это специфическим образом осмысленная действительность, восприятие которой осуществляется в конкретно-чувственных образах, чей смысл дается не понятийно, а эмоционально [Лосев, 1994, с. 8–9]. Миф предстает не первоначальной формой рациональности, а самой древней формой общественного сознания, формирующей образно-синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни [Кессиди, 1972, с. 41]. Этот синкретический потенциал мифологического сознания находит свое выражение в воображении, которое, отождествляя желаемое с действительностью, не знает границ. При этом в воображении возможно решительно все [Там же]. На наш взгляд, этими примерами можно ограничиться, так они достаточно полно освещают диапазон представлений о мифе, который сложился в современной философской литературе.

Складывается впечатление, что миф – это прежде всего один из высочайших уровней обобщения, синкретизм которого происходит не в понятиях языка, не в схемах рассудка, не в идеях, созерцаемых интуицией, а в художественных образах родового сознания. Эти синкретические образы включают в себя единство противоположностей рационального с эмоциональным, структурного со спонтанным, воображаемого с логичным. Подобный синкретизм неизбежно приводит к отождествлению бытия с мышлением [Библер, 1991, с. 21–28], которое в мифе наполняется яркими красками отношения к жизни, нацеленное не столько на выявление проблем, сколько на способы и пути их разрешения.

По сути, мифологическое сознание или сознание, смотрящее на проблемы жизни через «призму» мифа, претендует на самый ресурсный, иначе говоря, самый полный способ решения всех жизненных коллизий. Однако остается непонятным, за счет чего в мифе обнаруживается высокая степень «ресурсности», значительно превышающая возможности научной, а точнее – классической и неклассической рациональности? А главное, почему постнеклассическая рациональность так стремительно сближается, конвергирует с иррациональным образным мышлением, которое получает свое новое имя – «виртуальной реальности»?

Рабочее определение мифа. Для ответа на этот вопрос нам предстоит решить вначале первую задачу, связанную с выявлением природы мифологического образа. Миф, связанный с образным воображением человека, объединяет бытие и мышление в единое энергетическое поле. Взаимоотношение энергетических стихий внутри этого поля рождало образ космоса как универсального порядка, подчиняющего себе богов и людей. Их жизнь была связана единой энергией космоса, воспринимаемой в виде необходимости, судьбы, рока, фатума [Боннар, 1995, с. 264]. Мифологический образ судьбы, объединяющий собой множество имен, становился той универсалией, которая включала в себя бытие космоса и сознание человека [Там же]. Боги и люди становились в разной степени рабами этой всеобщей необходимости – направленной энергии жизни, истечения которой из высшего начала в свои низшие состояния было континуальным. Эта универсальная энергия наполняла собой бытие и мышление, образуя полюса их подобия. Структурная схожесть этих полюсов воспринималась через принцип «все во всем» [Кессиди, 1972, с. 312]. Как полагал А.Ф. Лосев, мифологическая отрешенность от дискретного, разделенного существования вещей, объединяла все в образе мифологического сознания, которое во всем видело разные формы единой жизненной энергии [Лосев, 1994, с. 67]. Энергетическое единство жизни становилось глубинным основанием синкретического мышления, обладающего сакральным знанием о регулярности ее метаморфоз. Основываясь на такой динамичности, мы можем предположить, что природой синкретического мифологического образа выступала универсальная энергия бытия и мышления, формировавшая единство космоса и сознания человека, которые оставались самоподобными. Гарантом этого подобия выступала объединяющая и разделяющая их универсальная энергия судьбы.

Возникает вопрос: сокрыта ли в универсалии судьбы некая тайная организация, которая может превратиться в последовательный механизм образного мифологического мышления, скрывающего в себе синкретизм всех форм рациональности? Для ответа на него следует вспомнить, что наиболее популярным в мифах разных народов, и особенно у греков, становился процесс «эманации». Эманация носила устойчивый характер, связанный с явлением последовательного истечения «высшего в низшее» [Лосев, 1975]. Универсальная эманация оставляла принципиально неважным источник этого истечения. В основании эманации могли лежать числа Пифагора, или огненный Логос Гераклита и стоиков, или атомы Демокрита и Эпикура, или стихии натурфилософов, или энергия Единого Плотина. Главное, что универсальный процесс эманации в равной степени становился у кого тайным, а у кого явным механизмом

или последовательностью, формирующей как макромир космоса, так и микромир человека. Энергичный образ эманации нес в себе упорядочивающие функции космоса, организация которого имела уже благообразный, истинный, красивый и справедливый характер. Именно поэтому благо, истина, красота и справедливость становились универсальными ценностями мифа. В них обнаруживала себя и гармония бытия космоса, и добродетели человека, и наилучшая организация полиса. В обобщающем и распределяющем мифологическом образе эманации угадывается один из высших законов будущего рационального мышления – закон единства и борьбы противоположностей. Благодаря энергичной природе эманации происходил процесс дифференциации универсального бытия и мышления о нем. Постигание же эманации как судьбоносной силы, наоборот, интегрировало сознание человека в общую жизнь с космосом. Вот эта интегрированность части в жизнь целого, сознания в бытие осуществлялась благодаря образному мышлению, организационный характер которого проявлялся в четырех его специфических аспектах.

Первым аспектом проявления мифологического образа становился его синкретизм. Организационная функция образного мышления обнаруживается в том, что космос – как первообраз – подчиняется принципу «одно во всем», где одна субстанция обнаруживает себя во всех своих модификациях. Другой его принцип – «все в одном» – свидетельствует о том, что множество модификаций остаются проявлением одной субстанции. Единство организации «одного и всего» приводит к принципу синкретизма – «все во всем» – космоса и воображаемых образов. Непознаваемость этих переходов получила название механизма метаморфизма, который случайным способом превращает один порядок в другой, одну форму жизни в другую, один образ мышления в другой.

Вторым аспектом проявления мифологического образа выступало его самоподобие. Следующая организационная функция обнаруживается в том, что синкретизм образного мышления проявляется в самоподобных связях «всего со всем». Эти связи объясняются принципом «подобное порождает подобное», который превращается в причинно-следственные ряды ассоциативных переживаний динамичного мысленного образа. Самоподобие переходов динамичного образа возникает благодаря резонансу мышления человека с движением космоса, который И.А. Герасимова называет «архаическим ритмомышлением». Это ритмомышление во многом объясняет свойство мифологического познания [Герасимова, 2000, с. 111]. Ритм мышления, резонирующий с пульсацией общей жизни, рождает воображение как результат погружения сознания в космическое. Множественность ритмов и участков космоса объясняют происхождение разнообразных схожих между собой воображений, которые, переходя друг в друга, рождают образное мышление или ритмомышление. Ритмомышление становится максимально эффективным способом получения целостного или завершенного знания в художественном образе, живяние в который связывается с подобием частных событий общей жизни.

Третьим аспектом проявления мифологического образа становилась его аналогия. Каждое поколение переживало повторяющиеся события жизни, аналогичный опыт о которых уже хранился в бессознательной памяти рода.

Новые впечатления от событий накладывались на старые – родовые, рождая спиралевидную структуру родового опыта, которая в современной науке получит название «генетической цепи ДНК». Образное выражение родового опыта подчинялось принципу «что наверху, то и внизу». Так формировался архив родовой памяти или в современной интерпретации – «коллективное бессознательное с его архетипами», которое можно представить в виде «голограммы горизонтально-вертикальных рядов ассоциативных связей мифологического мышления». Здесь, метафорично говоря, «горизонтальные связи», принадлежа опыту одного поколения, образовывали видовые знания «по подобию». Принцип подобия найдет свои перспективы развития в эмоциональных формах мышления, рождая механизм магнетизма, в виде интересов и любви. Однако главной заслугой принципа подобия станет открытие логики, основная цель которой заключается в сохранении в неизменном виде законов выведения последующих утверждений из предыдущих [Кондаков, 1975, с. 285]. «Вертикальные связи», обеспечивая связь поколений, формировали родовое знание «по аналогии». Метод познания по аналогии найдет свои перспективы развития в таких рациональных формах мышления, как философская метафора, компаративистский метод, научная редукция, сравнительный анализ, модельный метод. Все это говорит о том, что мышление в мифе представляло собой единство «аналогово-подобных» или, условно говоря, вертикально-горизонтальных форм восприятия событий, которые и формировали «энергичное поле» мыслительного образа. Сейчас мы описали только три аспекта организации образного мышления в мифе из четырех. Напомним, что первый из них связан с единством космического ритма и сознания человека. Второй аспект описывает превращение космического ритма в алгоритм образного мышления отдельно взятого поколения. Третий аспект связывает алгоритм мышления одного поколения с аналогичным опытом целого рода.

Четвертым аспектом проявления мифологического образа является эталонный его характер. Синкретизм видового и родового переживания ассоциативных рядов в воображаемом образе делал его эталоном или образцом для подражания и воспроизведения в мифологическом мышлении, механизм которого подчинялся принципу «тайное управляет явным». Здесь тайный бессознательный образ, управляя явным сознанием, становился источником, как пророческих его качеств, так и творчества. Образное мышление бессознательно формировало динамическую цепочку визуальных или звуковых рядов. Если этот ряд был представлен алгоритмом звуков, то в сознании рождалась мелодия; если он был алгоритмом слов, то рождалась поэтическая рифма, «логомифия» [Семушкин, 1996, с. 18]; если он выражался в красках, то они становились сюжетом будущей картины. Эти ряды воспроизводились, дополнялись и приумножались от поколения к поколению спонтанностью эвристической практики. Чем богаче был опыт предков, тем точнее и ярче было подражание воображаемому образу как эвристическому эталону.

Подводя предварительный итог, можно отметить, что энергичный характер мифа, оставаясь продолжением механизма универсальной эманации, обнаруживал себя в четырех организационных принципах бытия и соответствующих им аспектах образного мышления. Принцип «все во всем» становился

формой синкретической организации образного мышления. Принцип «подобное порождает подобное» становился источником «подобных» рядов образного мышления. Принцип «что наверху, то и внизу» становился источником «аналоговых» рядов образного мышления. Принцип «тайное управляет явным» становился источником эталонного или эвристического стиля образного мышления. Таким образом, воображаемому образу мифологического мышления принадлежат четыре бессознательных аспекта его проявления: синкретизм, подобие, аналогия и эвристичность. Эти аспекты образного мышления выступали онтолого-психологическим основанием для их последующего превращения в универсальную формулу рациональности. Исследуем, благодаря чему возможна подобная трансформация.

Универсальный способ мышления. Все многообразие видов мышления, согласно мифологическому образу эманации, соединяющий и разделяющий характер которой рождает один из важнейших законов философии – закон единства и борьбы противоположностей, исходит из положения, что все в этом мире является частным проявлением чего-то более общего. А потому всякая мыслительная деятельность должна заканчиваться разного рода либо обобщением – стремлением к единству знаний, либо ограничением – стремлением к детализации общего, познанию частного. В ряду всех обобщений есть предельно общее или абсолютно общее, по отношению к которому все остальные виды обобщения выступают разной степенью частного. Следовательно, всякое частное обобщение сохраняет в себе подобие или структурное родство и связь с более общим, а то, в свою очередь, – с еще более общим. Один из аспектов познания и его результат – знание во многом сводится к выявлению подобных отношений между частным и общим. Следовательно, уровень знания определяет компетентность человека, разная степень развития сознания которого связана с точностью его обобщения. Это значит, что ум отличается от глупости, образованность от невежества, компетентность от дилетантства лишь точностью и глубиной обобщения частных событий. Ибо в знании общего, согласно принципу подобия, хранятся тенденции и закономерности развития всего частного.

Возникает вопрос: как происходит мышление обобщения? Мышление – это процесс, всегда направленный либо от общего к частному – это дедукция, либо от частного к общему – это индукция. Дедукция есть мыслительное ограничение, индукция – это процесс обобщения.

Возникает вопрос: что для мифологического сознания может выступать «общим», а что «частным»? Ранее мы выяснили, что мифологическое сознание органично связано с родовой памятью предков. В ней, как в архиве, хранятся образы и их ассоциативные ряды, превращающие воображение в законченный, завершённый образ целостного знания, в котором одновременно содержатся начало, продолжение и итог событий. Поэтому воображаемый образ в мифе выступает «общим знанием» по отношению к событию в мире, которое остается «частным» его случаем. Именно поэтому античная диалектика призывала к искусству в частном видеть общее, а в общем – частное. По сути, античная диалектика оставалась в рамках мифологического сознания, для которого числа Пифагора, стихии натурфилософов, идеи Платона или формы

Аристотеля выступали разными видами предельного обобщения. Мыслительное обобщение остается и сейчас актуальным и эффективным методом или способом для получения нового знания, целью которого выступает связать частное событие с его более общим образом для расширения границ понимания.

Исследуем теперь влияние, которое оказывал родовой мифологический образ на универсальный метод обобщения. Ранее мы определились, из каких бессознательных аспектов складывается воображаемый мифологический образ. Сюда относятся четыре его свойства: синкретизм, подобие, аналогия и эвристичность. Исследуем теперь влияние воображаемого образа на подобные ему свойства мыслительного обобщения, выступающего бытовой формой рациональности, где сама рациональность станет для нас оптимизированной или улучшенной формой обобщения.

Переход мифа в рациональный «логос» связан с двумя этапами становления:

- первый этап описывает переход бессознательного мифологического образа в мысленное обобщение;
- второй этап иллюстрирует превращение осмысленного обобщения в рациональность. Рассмотрим этот механизм.

Синкретизм связей мифологического образа влияет на то, чтобы первым свойством мыслительного обобщения стал бессознательный прием объединения. И действительно, синкретизм и объединение – это родственные понятия, с той лишь разницей, что если синкретизм – это результат объединения, то объединение – это процесс, ведущий к синкретизму. Примером служат идеи разума, которые обнаруживаются синкретично, как некая данность, полученная в интуитивном озарении. Наоборот, объединение есть процесс обобщения опыта, который обретает синкретичность правила, теории или закона. Предельно синкретичным характером знания обладают законы гармонии [Родзинский, 2021, с. 33].

Подобие связей мифологического образа влияет на то, чтобы вторым свойством мыслительного обобщения стал бессознательный прием упрощения. И действительно, подобие и упрощение – это родственные понятия, с той лишь разницей, что если подобие – это результат упрощения, где в сложных явлениях обнаруживается их схожесть, то упрощение – это процесс поиска схожести в сложных явлениях, которые обретают разную степень своего подобия, подтверждая принцип «все во всем». Примером упрощения служит музыка, неисчерпаемое многообразие которой сводится к комбинации всего семи нот. Однако любая многожанровая музыка – это в разной степени подобное чередование звуков с тишиной, образующее ритм и тональность. Их исследует теория музыки [Способин, 1951].

Аналогия связей мифологического образа влияет на то, чтобы третьим свойством мыслительного обобщения стал бессознательный прием упорядочивания. И действительно, аналогия и упорядочивание – это родственные понятия, с той лишь разницей, что если аналогия – это результат упорядочивания на первый взгляд несвязанных явлений, то упорядочивание – это процесс, ведущий к открытию скрытых аналогий. Примером аналогичных состояний множественного бытия служит метафизика Аристотеля, утверждавшая, что

причиной возникновения всех вещей выступают четыре универсальных начала. Упорядочивание же явлений или процессов приводит к выявлению разной степени их схожести или аналогий.

Подражание эталонному эвристическому образу влияет на то, чтобы четвертым свойством мыслительного обобщения выступал бессознательный поиск пользы. И действительно, подражание эталону и польза – это родственные понятия, с той лишь разницей, что если подражание образцу – это процесс, который осуществляется во имя пользы, то польза – это результат, к которому должно привести подражание эталону. Примером тому может служить любая мораль, которая в качестве образца для подражания определяет свою норму поведения. Пользой же от подражания становится гармонизация отношений, согласие и мир, достигаемые в процессе подражания норме или эталону.

Подведем предварительный итог бессознательного влияния воображаемого родового образа на мысленное обобщение. Так синкретизм связей мифологического образа влияет на метод объединения в процессе обобщения. Подобные связи в образе влияют на метод упрощения в процессе обобщения. Аналогия связей в образе влияет на метод упорядочивания в процессе обобщения. А эвристичность образа влияет на извлечения пользы от обобщения. Все это свидетельствует о том, что воображаемый образ мифологического сознания обнаруживает свое значительное влияние на мыслительный процесс обобщения частных событий, в которых образное восприятие мира видит перспективы развернувшегося события, что в дальнейшем приведет к оптимизации мышления и рождению понятия «рациональность».

Исследуем теперь второй этап перехода мифа в логос, связанный с трансформацией мысленного обобщения в подобную ему универсальную формулу рациональности. Это значит, что четырем свойствам мыслительного обобщения (объединение, упрощение, упорядочивание, польза) будут соответствовать подобные характеристики рационального мышления. На наш взгляд, согласно принципу подобия, сходство и отличие обобщения и рациональности обнаруживает себя в том, что процесс обобщения является бытовой формой рациональности, а рациональность становится оптимизированным или усиленным видом бытового обобщения. Рассмотрим механизм перехода повседневного обобщения в улучшенный ее вид – рациональность.

Объединяющее свойство бытового обобщения превращается в подобное ему проявление рационального мышления, имя которому – целесообразность или целеполагание. И действительно, синкретическое единство образа содержит в себе смысл своего существования – гармонию единства частей и целого, которая в рациональном мышлении становится целеполаганием или целесообразностью. Целеполагание становится объединяющей или смыслополагающей функцией обобщения, а объединение – мыслительным методом, рождающим цель. Иначе говоря, оптимизацией объединяющего обобщения становится цель рационального мышления, определяющего смысл всякой деятельности.

Упрощающее свойство бытового обобщения превращается в подобное ему проявление рационального мышления, имя которому – схематизм. И действительно, упрощение богатого своими ассоциативными рядами образа приводит к выделению активных связей, которые в рациональном мышлении

преобразуются в схему. Схема становится результатом мыслительного упрощения, а упрощение – методом, рождающим схему. Иначе говоря, оптимизацией упрощающего обобщения становится схема рационального мышления, выстраивающая план достижения цели.

Упорядочивающее свойство бытового обобщения превращается в подобное ему проявление рационального мышления, имя которому – алгоритм. И действительно, упорядочивание образного мышления приводит в рациональном мышлении к возникновению алгоритма. Алгоритм становится результатом упорядочивающей функции обобщения, а упорядочивание – мыслительным методом, рождающим алгоритм. Иначе говоря, оптимизацией упорядочивающего обобщения становится алгоритм рационального мышления, выстраивающий последовательность движения к цели в рамках заданных схемой условий.

Польза от бытового обобщения превращается в подобное ему проявление рационального мышления, имя которому – эффективность. И действительно, подражание образу как хранилищу знаний рода приводит к экономии сил и времени на размышления и принятие решения. Эта экономия ресурсов жизнедеятельности в рациональном мышлении становится критерием эффективности. Эффективность становится результатом подражающей функции обобщения, а подражание – мыслительным методом, придающим действию эффективность. Иначе говоря, оптимизацией подражающего обобщения становится эффективность рационального мышления, определяющего степень успешности деятельности.

Таким образом, в нашей работе была продемонстрирована умозрительная связь между центральным понятием мифологической картины мира – истечением эманации, и зарождением важнейшего рационального закона единства и борьбы противоположностей, частью которого становятся принципы синкретизма и подобия. Опираясь на них, мы описали преемственность воображаемого образа мифологического сознания бытовой форме мышления – обобщению, которое в оптимизированном, улучшенном виде принимает характер строгой формулы рационального мышления. В этой работе была сделана попытка логически обосновать «сверхрациональное» содержание мифологического образа, выступающего неисчерпаемым архивом, источником рационального мышления. Так что мифологическое мышление остается «рабочим полем», в границах которого осуществляется переход одного типа рациональности в другой.

Список литературы

- Автономова, 1988 – Автономова Н.С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 287 с.
- Библер, 1991 – Библер В.С. Из «заметок впрок» // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 15–45.
- Боннар, 1995 – Боннар А. Греческая цивилизация. М.: Искусство, 1995. 670 с.
- Герасимова, 2000 – Герасимова И.А. Танец: эволюция кинестезического мышления // Эволюция. Язык. Познание / Отв. ред. И.П. Меркулов. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84–112.
- Карлова, 2001 – Карлова О.А. Миф разумный. М.: Московский писатель, 2001. 208 с.

- Кессиди, 1972 – *Кессиди Ф.М.* От мифа к логосу: становление греческой философии. М.: Мысль, 1972. 360 с.
- Кондаков, 1975 – *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1975. 721 с.
- Лосев, 1975 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Т. IV. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
- Лосев, 1994 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А.Ф.* Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 5–216.
- Лосев, 2001 – *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с.
- Майданов, 2018 – *Майданов А.С.* Миф как средство сакрализации жизненного мира человека // *Вопросы философии.* 2018. № 9. С. 207–214.
- Плотников, 1993 – *Плотников Н.С.* Кристоф Ямме. Пределы и перспективы современных философских теорий мифа // *Вопросы философии.* 1993. № 5. С. 188–198.
- Родзинский, 2021 – *Родзинский Д.Л.* Абсолютный код культуры и фрактальная теория мышления. М.: URSS, 2021. 272 с.
- Семушкин, 1990 – *Семушкин А.В.* Мифологические и эмпирические истоки философского знания // *Историко-философский ежегодник.* М.: Наука, 1990. С. 26–39.
- Семушкин, 1996 – *Семушкин А.В.* У истоков европейской рациональности. М.: Интерпакс, 1996. 192 с.
- Способин, 1951 – *Способин И.В.* Элементарная теория музыки. М.; Л.: Музгиз, 1951. 202 с.
- Стрельник, 2018 – *Стрельник О.Н.* Миф и мифотворчество как элементы коммуникативного пространства современной культуры // *Вопросы философии.* 2018. № 7. С. 81–85.
- Топоркова, 2000 – *Топоркова А.Л.* Миф: традиция и психология восприятия // *Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.* М.: АИРОХХ, 2000. С. 39–64.
- Фейерабенд, 1986 – *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения // *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. С. 125–466.
- Хьюбнер, 1994 – *Хьюбнер К.* Критика научного разума М.: ИФ РАН, 1994. 326 с.

Mythological foundations of rationality

Dmitry L. Rodzinsky

Lomonosov Moscow State University. 1 Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: rodzinskiy66@mail.ru

The paper makes an analytical attempt to determine the nature of the connections between myth and science, irrationality and rationality. In this regard, we see the purpose of our work in the definition of myth and the reconstruction of mythological consciousness, which is not only the first, but also a more effective way of mastering the world in comparison with the rational method. The stated goal consistently solves four tasks, the first of which is to determine the nature of the mythological image. The solution of the second problem will reveal the mechanism of the transition of mythological consciousness into a universal method of thinking – generalization. The answers to the questions of the third task will allow us to describe the “conditions of transition” of mental generalization into a similar form of rational thinking. The solution of the fourth problem will make it possible to substantiate the position that the mythological image is the alpha and omega or the beginning and end of rational thinking. For this purpose, the text explains how the myth revealed itself in four universal

principles of being and thinking: “everything in everything”, “like begets like”, “what is above, is below” and “the secret controls the obvious”. Four unconscious aspects of the manifestation of mythological thinking are derived from them: syncretism, similarity, analogy and heuristics, which will later turn into a universal formula of rationality. To substantiate such a transition, a consistent connection of an unconscious mythological image with a mental generalization is revealed, which then turns into rationality. This is manifested in the fact that the imaginary image of mythological consciousness reveals its significant influence on the mental process of generalizing particular events in which the imaginative perception of the world sees the future. This is possible because the four properties of mental generalization correspond to similar characteristics of rational thinking. As a result, it is concluded that the process of generalization is a household form of rationality, and rationality becomes an optimized or enhanced type of everyday generalization. The research becomes an attempt to analytically substantiate the “supra-rational” content of the mythological image, which acts as an inexhaustible archive, a source of rational thinking, offering one of the possible options for the transformation of the myth into a rational “logos”.

Keywords: rationality, consciousness, myth, generalization, space, knowledge, harmony, syncretism, law, efficiency

References

- Avtomomova, N.S. *Rassudok. Razum. Racional'nost'* [Reason. Mind. Rationality]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 287 pp. (In Russian)
- Bibler, V.S. “Iz'zametok vprok” [From “notes for future use”], *Voprosy filosofii*, 1991, no. 6, pp. 15–45. (In Russian)
- Bonnar, A. *Grecheskaja civilizacija* [Greek civilization]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995. 670 pp. (In Russian)
- Feyerabend, P.K. “Protiv metodologicheskogo prinuzhdenija” [Against methodological coercion], in: P.K. Feyerabend, *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected works on the methodology of science]. Moscow: Progress Publ., 1986., pp. 125–466. (In Russian)
- Gerasimova, I.A. “Tanec: jevoljucija kinestezicheskogo myshlenija” [Dance: the evolution of kinesthetic thinking], *Jevoljucija. Jazyk. Poznanie* [Evolution. Language. Cognition]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000, pp. 84–112. (In Russian)
- Hubner, K. *Kritika nauchnogo razuma* [Criticism of Scientific Mind] Moscow: IF RAN Publ., 1994. 326 pp. (In Russian)
- Karlova, O.A. *Mif razumnyj* [Reasonable myth]. Moscow: Moskovskij pisatel' Publ., 2001. 208 pp. (In Russian)
- Kessidi, F.M. *Ot mifa k logosu: stanovlenie grecheskoj filosofii* [From myth to logos: formation of the Greek philosophy]. Moscow: Mysl', 1972. 360 pp. (In Russian)
- Kondakov, N.I. *Logicheskij slovar'-spravochnik* [Logical dictionary-reference book] Moscow: Nauka Publ., 1975. 721 pp. (In Russian)
- Losev, A.F. “Dialektika mifa” [Dialectics of myth], in: A.F. Losev, *Mif. Chislo. Sushhnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow: Mysl' Publ., 1994, pp. 5–216. (In Russian)
- Losev, A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth], ed. by A.A. Taho-Godi, V.P. Troickogo. Moscow: Mysl' Publ., 2001. 558 pp. (In Russian)
- Losev, A.F. *Istorija antichnoj jestetiki. T. IV. Aristotel' i pozdnaja klassika* [History of ancient aesthetics. Vol. 4. Aristotle and Late Classics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1975. 776 pp. (In Russian)

Majdanov, A.S. “Mif kak sredstvo sakralizacii zhiznennogo mira cheloveka” [Myth as a means of sacralizing the human life world], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 9, pp. 207–214. (In Russian)

Plotnikov, N.S. “Kristof Jamme. Predely i perspektivy sovremennyh filosofskih teorij mifa” [Christoph Yammeh. The limits and prospects of modern philosophical theories of myth], *Voprosy filosofii*, 1993, no. 5, pp. 188–198. (In Russian)

Rodzinskij, D.L. *Absoljutnyj kod kul'tury i fraktal'naja teorija myshlenija* [Absolute code of culture and fractal theory of thinking]. Moscow: URSS Publ., 2021. 272 pp. (In Russian)

Semushkin, A.V. “Mifologicheskie i jempiricheskie istoki filosofskogo znaniya” [Mythological and empirical origins of philosophical knowledge], *Istoriko-filosofskij ezhegodnik* [Historical and philosophical yearbook]. Moscow: Nauka Publ., 1990, pp. 26–39. (In Russian)

Semushkin, A.V. *U istokov evropejskoj racional'nosti* [At the origins of European rationality]. Moscow: Interpaks Publ., 1996. 192 pp. (In Russian)

Sposobin, I.V. *Jelementarnaja teorija muzyki* [Elementary Theory of Music]. Moscow-Leningrad: Muzgiz Publ., 1951. 202 pp. (In Russian)

Strel'nik, O.N. “Mif i mifotvorchestvo kak jelementy kommunikativnogo prostranstva sovremennoj kul'tury” [Myth and myth-making as elements of communication-creative space of modern culture], *Voprosy filosofii*, 2018, no. 7, pp. 81–85. (In Russian)

Toporkova, A.L. Mif: tradicija i psihologija vosprijatija [Myth: tradition and psychology of perception], *Mify i mifologija v sovremennoj Rossii* [Myths and mythology in modern Russia], ed. by K. Ajmermahera, F. Bomsdorfa, G. Bordjugova. Moscow: AIROHH Publ., 2000, pp. 39–64.